

Светлана АНАНЬЕВА

ОБЛАДАЮЩИЙ ДАРОМ СЛОВА

Художественные произведения академика Международной академии информатизации, доктора филологических наук, профессора, члена Союза писателей Казахстана и Международного Казахского ПЕН-клуба, председателя Совета по русской литературе и литературным связям СП Казахстана, номинанта Букеровской литературной премии, известного педагога и переводчика Аслана Жамелевича Жаксылыкова пронизаны переживанием за судьбу своей страны, за ее настоящее и будущее. Редакция журнала «Простор» поздравляет своего постоянного автора с 70-летием и желает новых творческих успехов и замечательных книг.

Печать творческой индивидуальности «лежит на каждом значительном художественном произведении. Постановка ее проблемы отвечает задачам изучения художественной антропологии (человековедческого аспекта литературного произведения), ее теоретическому осмыслению в науке о литературе» [1, с. 3]. Прошлое, настоящее и будущее, картины реальной жизни и вымысел, фантастические сюжеты и образы соседствуют в романах Аслана Жаксылыкова с вполне современными героями. Красной нитью через многоплановое и многогранное повествование цикла романов «Сны окаянных», экзистенциальная направленность которого очевидна, проходит забота и тревога о Родине. Каждая из пяти книг структурно, семантически, философски, мотивно связана с другими. Жертвы ядерного полигона в Семипалатинске, их изуродованные судьбы воспроизводятся со всей силой реализма в рамках философского, экспрессивного повествования. Не может оставить равнодушным читателя судьба подрастающего поколения, вынужденного жить в изоляции на территории брошенного военного городка. Поэтика произведения включает несколько повествовательных пластов и сюжетных линий. Фактически, перед нами гипертекст, который, безусловно, ждет своего осмысления.

Бахытжан Момышулы характеризует прозу А. Жаксылыкова как работу «о развитии разума, эволюции души, очищении сердца» [2, с. 401].

Критики и литературоведы относят произведения А. Жаксылыкова к модернизму, постмодернизму, неореализму. Сам писатель по этому поводу говорит: «Для чего дается художнику воображение? Разве не сказал великий шаман Дон Хуан: “Парите на крыльях воображения”? Вселенная всегда шире и богаче нашего воображения... Мне понравилось одно определение, которое увидел в Интернете среди откликов на роман: “Ироническая, интеллектуально-ассоциативная проза”. Мне оно показалось исчерпывающим. Кроме того, на семантическую многослойность текста книг, возможно, повлияли мои увлечения квантовой философией, философией йоги, теорий поля и др. Мои тексты – это часто идиостиль, отмеченный экспрессией, экзатичностью,

нацеленный на сложное совмещение разных сознаний в тексте одновременности происходящего. Поэтому появляются верлибры, метафоры, аллюзии, символы, реминисценции из мировой поэзии и др.» [3, с. 186].

Авторская манера гиперболична и гротескна. В романе А. Жаксылыкова «Сны окаянных» действуют разные персонажи: дух сновидений, световая женщина, высочайшая женщина-облако, мальчик с пальчик с глазами испуганной газели; мерцающие фигуры, которые присматривают за людьми множество веков и сталкивают события, людей, добро и зло, чтобы увидеть, что за этим стоит. Всем ходом эпического повествования А. Жаксылыков призывает к свободе и ответственности, возвеличивая в человеке творца, воспевая силу его духа, любви и красоты. И считаем символичным, что на страницах книги А. Жаксылыкова и Р. Рахимова «К истокам любви и красоты» [4] возвышенно и поэтично написано о центрах древнейших цивилизаций, о прикосновении к тайне существования космоса. Мотив странствований и отшельничества: «Те из дервишей, кто выдерживал испытание на любовь странствием и отшельничеством, принимались в орден суфиев и становились учениками, только учениками» получает дальнейшее развитие в романной прозе А. Жаксылыкова, где использована литературная традиция «как механизм амплификации заложенных в романе смыслов – идейных, нравственных, ценностных» [5, с. 236].

Особого разговора, на наш взгляд, заслуживает эссе А. Жаксылыкова «Просветление Ахмеда Яссауи», на страницах которого зримо запечатлены древний город, мечеть, медресе, базарная площадь («Вселенная, приковавшая к тебе»), передающие колорит и уникальность геопозитики пространства. Жизнь великого суфия вся как на ладони: детство, «словно кем-то захлеб рассказанное», сны-сказки, запах меда и жужжание пчел, синий взгляд реки. Решающий миг жизни суфия – встреча с шейхом. Арыстан-баб и Ахмед Яссауи – из одного рода шейхов, ведущих родословную от хазрета Али, сподвижника и зятя пророка Мухаммада. «Впоследствии, через многие годы, озаренный своей многолетней медитацией в подземной келье, не одну поэму посвятит Ахмед Яссауи тому самому поразительному мгновению встречи с учителем и вестником. Так одна за другой появятся на свет сто сорок пять поэм просветления дервиша “Диуани хикмет”».

Особую радость от познания испытывал Ахмед Яссауи, наблюдающий за потрясающими картинами открывающейся Вселенной. К этому невозможно было привыкнуть, поскольку полет духа каждый раз переживался как первый, как новое познание тайн космоса. И именно на страницах эссе «Просветление Ахмеда Яссауи» А. Жаксылыков формулирует концепцию творчества: «Найдите форму творчества... Творчество – фундаментальное строительство внутреннего мира». Неслучайно сборник лекций А. Жаксылыкова назван «Труд писателя и творческий процесс», причем XX век казахстанский исследователь характеризует как «век столкновений идеологий, глубоких разломов и движения мифологических матриц. Борьба мифов и идей с большой силой влияет на судьбу современного человечества» [6, с. 225].

Развитие нетрадиционных методов постижения художественного текста «позволило в последние десятилетия не только по-новому взглянуть на существовавшие правила литературного письма, но и увидеть в произведениях конца XX – начала XXI веков возможности освоения креативных потенциалов научного языка в рамках семиотического направления» [7, с. 7]. Главный эстетический эффект, «эффект семиотического пограничья», проявляется «в пограничной, имплицитной, никак не выраженной зоне». Граница между текстом,

действительностью и разными текстами, по мнению Ю. Шатина, «не является формальной чертой, но сама по себе обладает некоей семантикой, без учета которой понимание смысла произведения значительно обедняется» [7, с. 10].

Осмысление художественного текстообразования в контексте новых коммуникативных стратегий, связанных с расширением границ культурного поля, актуально и в наше время. Циклопическая Сфера, водоворот земли и неба... Страшные сны главного героя, обладающие огромной силой воздействия. Всё это читатель найдет в пятой книге «Возвращение» романного цикла «Сны окаянных» А. Жаксылыкова, завершённой 10 марта 2012 года и увидевшей свет на страницах литературно-художественного журнала «Простор» (№ 12, 2023, №1–4, 2024).

За двадцать лет созданы столица и государство с большим населением, хотя изначально строительство города, по мнению многих, было безумной затеей. Сны играют особую роль в повествовании: «Округлая машина массой в миллиарды тонн, давившая на сравнительно маленькую подошву, ощутимо распухла в объеме, сдвигая небо, и ты осознал, что кошмар, врывавшийся в твои сны, наяву навис над тобой. Ни тебе, ни солдатам, ни многотысячной толпе, сгрудившейся на площади, не спастись от гранитного катка, который катится, сминая всё и вся».

За книгой Малыша утенка охотятся агенты империи. Главный герой романа номад Тайбала в лучших традициях исторической прозы (вспомним повести и романы М. Симашко, любимые герои которого – писцы, переписчики старинных фолиантов. – С. А.) переписывает ее. Дом крепок, основателен. Время «сворачивается пылью и прахом» под мускулистыми ногами Тайбалы, бегуна, не знающего усталости.

Сложные пространственно-временные конструкции – отличительная черта стиля А. Жаксылыкова, как и *мотив* магии искусства, магического художника, забавляющегося с сочетанием случаев. Да и время очеловечено, оно *лопочет, шелестит...* Трагедийному повествованию присуща мифологичность. В первой книге романа «Поющие камни» важна встреча героя Жана с самим собой. Жанр, «блестящий интеллигент, не сумевший смириться с миметической жизнью города, избрал (и намеренно, и подсознательно) путь скитаний. Скитальничество, странничество открывает нам важную коннотацию: мотив выводит нас на пушкинского «Странника»» [5, с. 236].

Автор приветствует стремление к гармонии, истине, добру и красоте. Многочисленные функции выполняют в романе сновидения, своеобразные миры наизнанку. Герой нередко пребывает в двух мирах: реальном и бессознательном. Концепт дороги – традиционный символ жизненного пути персонажей.

Наиболее сложным в структурном и философском плане является роман «Дом суриката» (также вышедший в журнале «Простор», № 2–5, 2021), продолжающий в футуристическом и неореалистическом духе тему сверхвооружений в новейшей мировой истории. Проводником по лабиринту «апокалипсиса наших дней» в эпоху столкновения цивилизаций считает роман «Дом суриката» А. Кодар. Глобальный экологический кризис усугубляет последствия необузданной гонки вооружений. Сложные стилистические фигуры и тропы, эллипсис, парабола, парадоксы образуют внутренне единую ткань повествования. Автор вместе с читателем ищет свой путь. Так концептуально воплощается дихотомия *свой / чужой*. Концепт *путешествия, странствования* порой трансформируется в художественных текстах в концепт *бездомья*.

Современный американский исследователь-компаративист Хоми Бхабха связывает проблему идентификации с идеей продуктивной культурной

гибридности, третьего времени-пространства, *внедомности*. Грани архетипа – «отчий дом» как ностальгия – свойственна ретроспективная модель развития, в которой одной из главных сюжетных основ становится мотив возвращения домой.

Сравнение художественных текстов выступает герменевтическим катализатором. Затрагивая тему войны, ядерных полигонов, безудержной гонки вооружений, А. Жаксылыков раскрывает мифологические аспекты психологии войны в мышлении людей. «Дом суриката» А. Жаксылыкова, на наш взгляд, во многом перекликается с «Последней пасторалью» белорусского писателя Алеся Адамовича [8]. Автор повести предлагает своим героям решить абсурдную, дикую ситуацию выбора – «жить или не жить». В этом ему, по мнению Ю. Сапожкова, «помогает творческое бесстрашие максималиста Василя Быкова» [9, с. 138]. Половина земного шара уже уничтожена первым ударом со стороны Советов, вторая половина – в руках экипажа американской подводной лодки. Американец, выступающий против ответного удара, катапультирован на «плешивый» остров (после первой ядерной атаки) с ядовито-желтыми цветами, трехголовыми крысами и беспанцирными черепахами. На острове в глубокой пещере живут Он и Она, «питаются бульоном из дождевых червей (выжили!) и пауками, сражаются с крысами и желтыми цветами» [9, с. 138]. Проблески памяти редки.

Как точно подмечает Ю. Сапожков, страницы, посвященные любви, «написаны вдохновенным, тонким пером человека, соскучившегося по своему, насильно отстраненному публицистикой, таланту художника и вновь вернувшего его» [9, с. 138]. А. Жаксылыков обращается к своим читателям с предложением вспомнить Маджнуна и Лейли, Фархада и Ширин, Ромео и Джульетту, Козы Корпеша и Баян Сулу: «Чудо такой встречи! Узнавание с первого взгляда... Полное растворение в восхищении, огненной (неожиданный эпитет. – С. А.) нежности». В такие минуты весь мир оборачивается чудом, где «каждый миг чудесен, любое слово – чудо, даже минуты безмолвия рядом с другом – чудо» [4, с. 67].

Ю. Сапожков увлекательно пересказывает сюжет повести А. Адамовича. Молодой американец уводит в свой шалаш красавицу островитянку. Покинутый лирик находит пистолеты в обмундировании американца. Дуэль неизбежна. Но страшный выбор перед героем: имеет ли он право подвергать себя риску быть убитым? Она ждет его ребенка, а американец любит ее, но он облучен. Дуэль не успевает состояться. «Экипаж подводной лодки дает ответный залп... Океан вздыбился черной кислотой, небо темнеет, откуда-то нарастает утробный, похожий на гром звук...» [9, с. 139]. А она превращается в старуху: «Залитые слезой, потухшие глаза, шея и лоб в фиолетовых пятнах, какие-то клочья вместо волос на светящемся черепе...»

А. Жаксылыков в текст художественного повествования включает сухие статистические данные о младенческой смертности, которая была наиболее высокой в Западном Казахстане из-за недостаточных мер по охране здоровья и сильного химического заражения окружающей среды в результате действия военных полигонов «Капустин Яр» и «Азгир». Совместное воздействие химических и радиационных факторов (эффект синергизма) приводит к более сильному воздействию на живой организм по сравнению с каждым из этих факторов в отдельности. Степной пейзаж как итог деятельности человека, атомных испытаний, фантастичен и фантазмогоричен: «Каменистая пустыня дышала жаром, изнемогала под прямыми лучами солнца, исходила зноем, тяжелым, болезненным... Безжалостным огнем до корней были

сожжены мирные травы и деревья, во многих местах беззащитная кожа земли оплавилась, растрескалась и осела в глубоких ранах» [10, с. 175].

Символическая полифония образов-метафор в произведениях А. Жаксылыкова разнообразна. Образ степи Золотого века, прекрасной, щедрой и неистощимо богатой, – центральный образ-символ текстов А. Жаксылыкова. Степь запоминается в образе бегущей, зовущей и кричащей женщины. «Быстрые облака на небе, тени, плывущие по земле, бурные острова скальных массивов, а между ними серебристые ковыльные проливы, длинные волны бегущих под ветром трав» [10, с. 175].

Из пыльного зеркального проема исподволь смотрит кряжистый средневековый воин, а из «кружащей мглы вырастает зазубренный утес, здание вселенского собрания». Перетекало в другую проекцию и «медленно перетекало в другое время мутное небо, витали тени пещерных и лесных птиц». Мир сновидений с мифологическими образами порой оказывается реальнее действительности, воссозданной современным казахским прозаиком, убежденным в том, что постепенно «мифологический слой ушел в подсознание человека, в его прапатыя, на первый план вышли доктрины мировых религий и идеология социально-политических учений. Однако как бы то ни было, в своей глубине они несут следы древних мифов. Несет эти следы и мировая литература, и мифологическая парадигматика часто бывает парадоксальной» [6, с. 217].

Современное литературоведение опирается на методики изучения структур сознания. Об эстетике героя, экспрессивной эстетике читаем у М. Бахтина: «Сопереживание автору, поскольку он выразил себя в данном произведении, не есть сопереживание его внутренней жизни (радости, страданию, желаниям и стремлениям) в том смысле, как мы сопереживаем герою, но его *активной творческой установке* по отношению к изображаемому предмету, т. е. является уже сотворчеством, но это сопереживаемое творческое отношение автора и есть собственно эстетическое отношение» [11, с. 90]. Эстетическое отношение автора к изображаемому миру включает и корреляцию *я – другой*, отчетливо прослеживаемую в романном цикле А. Жаксылыкова. Но еще важнее *концепт* дом, переходящий в *концепт* вне-домности: «Но где твой дом? Где наш первый и последний дом?» Риторическим вопросом завершается повествование в романе А. Жаксылыкова «Возвращение».

Литературно-критический дискурс современного осмысления художественных текстов вбирает в себя и связь с традицией, с классикой, и память жанра. Литературная герменевтика «в основном сосредотачивается на проблеме языковых (литературных) дискурсов в связи с известным материалом парадигматических сюжетов» [12, с. 11]. Будущее литературы видится А. Ж. Жаксылыкову в двух направлениях: оставаться в рамках классической литературной традиции или искать новые, авангардные пути развития. Магический реализм придает художественным текстам неповторимое своеобразие.

Металитературная активность современного писателя, литература как феномен гуманизма, константные проблемы духовных и моральных ценностей, мировой этики, диалога и сотрудничества – в центре научных интересов А. Жаксылыкова, характеризующего современную литературу, особенно прозу в ее крупных формах, как нарративно сложную, ассоциативно насыщенную. Новым литературным стратегиям, нарративам, концепциям, герменевтике и художественному переводу посвящена недавно увидевшая свет монография А. Жаксылыкова «Развитие современной казахстанской литературы» [13]. От Мурата Ауэзова, Магжана Жумабаева, Габита Мусрепова к Ануару Алимжанову, Чингизу Айтматову, Олжасу Сулейменову, Юрию Гер-

ту, Морису Симашко, Смагулу Елубаю, Роллану Сейсенбаеву, Ольге Марк и многим другим писателям и поэтам переходит в своих научных изысканиях А. Жаксылыков. Завершают новое издание литературные портреты Виктора Бадикова, Бахытжана Момышулы, Май Багизбаевой, Зейноллы Кабдолова, Турсунбека Какишева, Рымгали Нургали, Тамары Мадзигон, Умит Тажкен.

Жанр литературного портрета не столь распространен в литературоведении и критике Казахстана. Яркими его представителями были Николай Ровенский, Герольд Бельгер, Виктор Бадиков. Бережно, трепетно пишет А. Жаксылыков о своих педагогах и наставниках, старших коллегах, личностях с большой буквы, навечно оставшихся в истории литературы и высшей школы Казахстана.

Продолжая развивать высказывание итальянца Винченцо Джоберти: «Работать – значит творить, а творчество – единственная глубокая и реальная радость, которую человек может испытывать в этой жизни», в одной из своих книг А. Жаксылыков резюмирует: «Человек любви и творчества волен над своей судьбой».

Творческого вдохновения и полета, новых научных открытий на ниве гуманитарной науки Казахстана, интересных художественных произведений желают юбиляру и ждут ученики и последователи, представители научной литературоведческой школы профессора, педагога, прозаика Аслана Жаксылыкова.

Литература

1. Егорова Л. П. Творческая индивидуальность писателя: проблема дефиниций // Творческая индивидуальность писателя: теоретические аспекты изучения. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2008. С. 3–12.
2. Момышулы Б. Жаркое земное обиталище // Жаксылыков А. Дом суриката. Алматы: Ценные бумаги, 2008. С. 401–410.
3. Вселенная всегда шире и богаче нашего воображения. Интервью // Жаксылыков А. Труд писателя и творческий процесс. Сборник избранных лекций. Алматы: Қазақ университеті, 2013. С. 180–190.
4. Жаксылыков А. Ж., Рахимов Р. Р. К истокам любви и красоты. Алматы: Қазақ университеті, 2003. 140 с.
5. Валикова О. Живой контекст // Қазақстан әдебиетінің шетелде қабылдануы. Зарубежное восприятие литературы Казахстана / Отв. редактор С. Ананьева. Алматы: PRESS CO, 2023. С. 236.
6. Жаксылыков А. Труд писателя и творческий процесс. Сборник избранных лекций. Алматы: Қазақ университеті, 2013. 234 с.
7. Шатин Ю. В. Русская литература в зеркале семиотики. Москва: Языки славянской культуры, 2015.
8. Адамович А. Последняя пастораль. Москва: Известия, 1987.
9. Сапожков Ю. Последняя пастораль // Сапожков Ю. На просторе слова. Минск: Литература и Искусство, 2008. С. 130–144.
10. Жаксылыков А. Сны окаянных. Алматы: Алматинский издательский дом, 2006. 526 с.
11. Бахтин М. М. Беседы с Дувакиным. Москва: Согласие, 2002.
12. Жаксылыков А. Ж. Художественный перевод и литературный процесс (избранные лекции, исследования и методические рекомендации). Алматы: Таңбалы, 2013. 312 с.
13. Жаксылыков А. Ж. Развитие современной казахстанской литературы. Поиски, нарративы, архетипы, концепции, текст. Алматы: Қазақ университеті, 2023. 282 с.